

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-789-800

EDN: VJKDJF

Индигенные методологии: альтернативный подход или ускользающий предмет*

М.С. Куропятник

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

(e-mail: kuropyatnik@bk.ru)

Аннотация. В статье представлены некоторые подходы к концептуализации индигенных методологий, в фокусе которых находятся: контекст исследования и репрезентации его результатов; позиция ученого, чья идентичность артикулируется в терминах индигенности и примордиальности; принцип дихотомизации, в соответствии с которым разграничиваются позиции индигенных (изнутри) и неиндигенных (извне) ученых. Индигенные методологии понимаются как особая система производства знания и как инструмент «деколонизации» знания и методологии. Будучи представлены в социальном дискурсе как культурно обусловленный феномен, они не ограничиваются культурой и социальностью коренных народов, а имеют значимое этическое и политическое измерение. В том числе речь идет о преодолении коренными народами стигмы быть объектом исследования. Индигенные методологии концептуализируются как сопряженные, прежде всего, с контекстом формирования дизайна исследования и репрезентации его результатов, а не как предлагающие специальные методы и процедуры. Они осмысляются как одна из версий «антропологии дома», проводимой в родном (со) обществе и соотносимой с концептом индигенности. В контексте индигенных методологий этническая идентичность ученого рассматривается как «эпистемологическая» или «методологическая привилегия» и сопрягается с доступом коренных народов к знанию. В рамках индигенных методологий представлено несколько точек зрения на позицию исследователя, апеллирующего к своей принадлежности к коренным народам, которая понимается (а) как выражение аутентичной точки зрения на окружающий мир изнутри, (б) как культурный перевод, подразумевающий репрезентацию культурных форм как аутентичных в межкультурном пространстве. В последнем случае в фокусе внимания оказываются множественные связи субъекта и объекта исследования, их частичное совпадение, а также паттерны трансформации идентичности индигенного антрополога, вовлеченного в исследование родной культуры. В более широком смысле индигенизация социальной теории означает поиск концепций и методов, укорененных в локальном социокультурном контексте, что лишает западные институты монополии на производство знания.

Ключевые слова: социальная антропология; коренные народы; индигенность; индигенные методологии; антропологическое знание; социокультурный контекст; деколонизация

*© Куропятник М.С., 2026

Статья поступила в редакцию 29.01.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

Для цитирования: Куropyatник М.С. Индигенные методологии: альтернативный подход или ускользающий предмет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 789–800. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-789-800> EDN: VJKDJF

Академический дискурс ориентализма, во многом определивший концептуальную карту постколониальных исследований в 1980-е годы (Э. Саид, М.Р. Труйо), в последнее время сместился в сторону индигенности. Эта смена перспектив научных исследований в контексте фундаментальных социальных, экономических и политических трансформаций ландшафтов современности сопряжена в том числе с развитием индигенных методологий как особой системы производства знания и как ответа коренных народов на колониализм. В фокусе внимания оказываются культурное и интеллектуальное измерения (де) колонизации [1. С. 217–263; 7; 19; 20], что подразумевает деколонизацию знания и методологии. Важно отметить, что проблемные поля индигенных методологий и постколониальных исследований частично пересекаются. Однако основные идеи и новые подходы к концептуализации культурных различий, идентичности и их репрезентации, ознаменовавшие постколониальные изменения в антропологии, были восприняты сторонниками индигенных методологий скорее на тематическом уровне. В теоретическом плане индигенные методологии интегрируют разнородные концепции и модели в логике их непрерывного переосмысления и символической инверсии.

В целом дискуссии, сопровождающие формирование индигенных методологий, способствуют критическому переосмыслению проблемы соотношения индигенного знания и антропологической (дисциплинарной) версии культуры, классических методов полевого антропологического исследования и евроцентристских моделей концептуализации и репрезентации его результатов, а также научных и индигенных понятий. При этом сами индигенные исследования понимаются либо как самостоятельная дисциплина, развивающая собственную эпистемологию и методологию, либо как специфический набор тем в рамках соответствующих академических дисциплин — социальной антропологии и социологии.

Индигенные методологии: контекст исследования и интерпретации

Индигенные методологии подразумевают проведение исследований в социокультурном контексте, соотносимом с феноменом индигенности, который в классической социальной антропологии ассоциировался с идеями аутентичности и принадлежности определенному месту [13]. Предпосылки подобных коннотаций сформировались в условиях прежнего фокуса антропологии на изучении экзотичных Других — пространственно удаленных

и имеющих выраженные культурные различия, а также доминирования эволюционной и структурной парадигм в социальных науках. При этом в антропологическом дискурсе «индигенность» была концептуально локализована в колониальных и постколониальных контекстах, что, будучи воспринято индигенными учеными, во многом обусловило репрезентацию ими академических (западных) исследований коренных народов и самого термина «исследование» как колониальных практик [19. С. 107], а индигенных методологий — как альтернативного подхода и инструмента деколонизации. «Деколонизация методологий» [9. С. 123; 19. С. 107–108; 20] — один из инструментов трансформации постколониальных контекстов и важный фактор формирования идентичности коренных народов.

Несмотря на реконтекстуализацию индигенности в условиях глобализации и трансформацию содержания концепта [3], ряд идей и подходов, неоднократно подвергавшихся критическому анализу в социальных науках, воспроизводится сегодня в формате индигенных методологий — в логике формирования и репрезентации знания о себе народами, преодолевающих стигму быть объектом исследования. Прежнее дисциплинарное видение мира парадоксальным образом воплощается в парадигме, дихотомизирующей антрополога (исследователя) и индигенного антрополога [18. С. 671], который аккумулирует местное знание и опирается на традиционные методы познания, — в исходной идее, определившей появление нового направления в начале XXI века.

Индигенные методологии могут быть также представлены как одна из версий «антропологии дома» (Home Anthropology), проводимой в том социальном контексте, который ее продуцирует [21. С. 16], а индигенный ученый — как антрополог, проводящий исследование «в своем сообществе» [12. С. 56]. Однако миссия «быть антропологами у себя дома» определяется не тем, являются ли они уроженцами определенной местности, а «отношением между их методами организации знания и тем, каким образом люди организуют знания о себе» [21. С. 31]. Вопрос в том, позволяют ли индигенные методологии преодолеть неизбежный разрыв между локальным знанием и аналитическими концептами, конституирующими антропологию.

Индигенные методологии концептуализируются прежде всего как сопряженные с определенным контекстом, где формируется дизайн исследования, а не как предлагающие специальные методы и процедуры [20. С. 1–17]. Контекстуализация, т.е. помещение культурных форм, событий, практик в определенный культурный контекст, придает локальные смыслы социальным явлениям [23. С. 157]. М. Стрэттерн обращает внимание на двойственную природу этого процесса: традиционная процедура локализации социальных явлений и вещей (индигенных методологий) в том или ином контексте стимулирует создание контекста как одного из объектов познания [23. С. 160]. В условиях глобализации — осо-

бого контекста формирования и артикуляции смыслов, «контекста контекстов» [22. С. 2, 11] — сама идея ограниченности и относительной контекстуальности знания [23. С. 157–160], ставшая в какой-то момент общим местом, видится весьма проблематичной. С другой стороны, контекстуализирующий эффект индигенных методологий в значительной степени нивелируется практиками индигенных акторов, концептуализирующих свою культуру в политических, научных, музейных и образовательных проектах. Несмотря на репрезентацию ими своих исследований в логике создания нового «корпуса знаний о себе и для себя» [19. С. 105], их практики ориентированы не столько на внутренний, сколько на внешний контекст — национальный и глобальный.

Индигенные исследования, включающие в себя и соответствующие методологии, сфокусированы на культуре и социальных формах коренных народов и представлены в социальном дискурсе как «культурно обусловленный феномен» [16. С. 4]. Культурный протокол, ценности и паттерны поведения — неотъемлемая часть индигенных методологий [20. С. 15]. Однако сами индигенные авторы обращают внимание на то, что индигенные методологии не могут быть редуцированы к объекту исследования (культуре, обществу, искусству, истории, здоровью коренных народов), поскольку имеют значимое этическое и политическое измерение. Именно здесь сконцентрированы наиболее весомые аргументы, сопрягающие индигенные методологии с той проблематикой и подходами, которые значимы для самих народов или исследователей [15. С. 210]. В методологическом плане речь идет также о развитии специфических научных практик, не только совместимых с местными культурными традициями, но и сопряженных с эпистемологией, имманентно присущей системе организации знаний коренных народов о себе и окружающем мире, что подразумевает эпистемологическое различие индигенности и других социокультурных контекстов. Наиболее последовательно такое разграничение проводят те исследователи, которые апеллируют к своей принадлежности миру коренных народов и утверждают, что индигенные методологии позволяют «вырваться из рамок западных эпистемологий» — «сильно отличающихся от аборигенных» и чуждых «локальному мышлению» [9. С. 124]. Речь также идет о связи индигенных методологий с территорией проживания коренных народов [8; 17], что имеет эссенциализирующий эффект, отсылая к прежним антропологическим традициям концептуализации культуры в терминах примордиальности и укорененности, в том числе метафорического «заточения» в определенном месте. В этом случае эпистемология соответствующих академических дисциплин (социальной антропологии, социологии) противопоставлена специфической индигенной эпистемологии и методологии.

Еще раз об антропологе как авторе

Индигенные методологии возвращают в проблемное поле антропологии тему автора (чьи тексты воплощают его отношения с миром [21. С. 24], а биография выступает фактором научных исследований), присущую постмодернистскому дискурсу в социальных науках. Сегодня многие авторы вовлечены в изучение и описание своих сообществ, в том числе тех, что в социальных дискурсах ассоциируются с концептом индигенности. С одной стороны, речь идет об авторах, которые, не являясь профессиональными учеными, преобразуют прежний устно-дискурсивный опыт своей культуры в тексты; с другой стороны, об активном включении в научный дискурс исследователей, определяющих себя либо категоризируемых во внешних контекстах как индигенные (туземные, местные). Само обозначение авторов (ученых) как индигенных отсылает к их этническому происхождению или идентичности. Использование в некоторых научных традициях для определения индигенных методологий термина «этнонаука» (один из новых механизмов (вос)производства этничности [5. С. 185–186]) только усиливает подобные коннотации. В этом случае индигенные авторы отмечают «неразрывную связь исследователя и его культуры», «уникальность научных сотрудников-северян как носителей родного языка и культуры» — «свои исследователи» противопоставляются «профессиональным чужакам», а в ряде случаев декларируется преимущественное право первых на исследование родной культуры [5]. Культурная принадлежность автора, мыслимая в терминах индигенности и этнографической культуры, его «привязанность» к определенному месту (в антропологическом смысле) выступают методическим принципом исследования и одновременно критерием аутентичности текста, т.е. «этнографический взгляд на собственные культурные предпосылки полагается здесь также и условием научной работы» [1. С. 105].

Амплитуда точек зрения, представленных в этой сфере, чрезвычайно широка — от ситуаций, когда авторы акцентируют принадлежность к коренным народам, до артикуляции ими своей идентичности в более сложных категориях, не сводимых к идеям этничности и примордиальности. Так, К. Нараян через свой нарратив демонстрирует эссенциализирующий эффект идентификации в качестве «туземных» антропологов у уроженцев «незападного мира», что возможно только в случае игнорирования их сложного происхождения [18. С. 671–678]. Немецко-американская родословная матери Нараян оказывается нерелевантной для тех, кто изображает ее как индийского — «туземного» — антрополога [18. С. 677]. В этой перспективе индигенные («туземные») ученые — антропологи, этнографы, лингвисты — наделяются способностью выражать аутентичную точку зрения, что, в свою очередь, подразумевает возможность непротиворечивой репрезентации групп, с которыми они ассоциируются [18. С. 676–678]. Подобный подход обусловил предвзятую аналитическую сопряженность идентичности исследова-

дователя, артикулируемой в терминах примордиальной этничности, и концептуальной схемы индигенных исследований. Но даже если не принимать во внимание возможные ситуации смешанного происхождения, то образование, профессиональная деятельность, опыт пространственной и культурной мобильности неизбежно способствуют «привнесению гибридности» [18. С. 672, 681] в тексты. Так, А. Афанасьева, обосновывая методологию своего полевого антропологического исследования принадлежностью к самскому миру по рождению (*indigenous insider*), не может не признать, что ее обучение в российском и западном академическом пространстве трансформирует исходную позицию «изнутри» за счет элементов позиции внешнего наблюдателя [12. С. 56–58]. В рамках индигенных методологий такая позиция ученого в поле может пониматься как «the outsider within», обнаруживая при этом ряд вариаций [20. С. 5].

Важно отметить, что всякий раз, когда исследователь апеллирует к своей этнической идентичности и представляет свое видение культуры как выражение позиции определенного сообщества, подразумевается культурный перевод [16. С. 4]. Как любая этнография, индигенные репрезентации культуры не могут быть представлены исключительно в терминах дескрипции, а отсылают к эпистемологическим и политическим основаниям репрезентации индигенных культурных форм как аутентичных в межкультурном контексте.

В современных дискуссиях о специфике «присутствия» индигенного исследователя в своем тексте обозначились два основных подхода. Поскольку индигенные методологии сопряжены с правом коренных народов на производство знания и получением доступа к социальным институтам, позволяющим осознавать и выражать свои интересы, а также с признанием эпистемологического статуса их «голосов», этническая идентичность автора приобретает значимое политическое измерение [16. С. 4]. Дискурс знания–власти (М. Фуко) в контексте индигенных методологий имеет свою специфику и амбивалентный смысл. В рамках индигенного подхода западные академические исследования представлены как способ отлучения знания от мира коренных народов, подразумевающий его «изъятие» из локальных контекстов [19. С. 108]. Тема «возвращения» знания, в том числе символического перемещения из научных архивов и институтов в «изначальное» место производства, развивается в контексте дискурса репатриации культурного наследия коренных народов и их интеллектуальных прав. И тогда не только язык проведения исследования, но и язык публикации результатов [7] — родной, русский или английский — становятся инструментом репрезентации аутентичной культуры в текстах индигенных авторов, как отмечают некоторые из них, не подверженных «искажениям» внешних интерпретаций. В ряде случаев индигенные исследования представле-

ны как исключительная сфера деятельности представителей коренных народов, но допускается использование индигенных методологий учеными независимо от происхождения [24]. Набирающая популярность идея о непременном участии индигенных исследователей во всех проектах, реализуемых в этой сфере, созвучна концепциям интеркультурализма с точки зрения понимания научного коллектива как пространства интеркультурного контакта, диалога и совместного творчества, но при этом сформированного в соответствии с критериями «этнического/индигенного представительства» (последнее неизбежно приводит к «замораживанию» культурных различий).

Этические аспекты индигенных методологий — уважение ценностей коренного народа и непричинение ему вреда [17. С. 48], будучи своеобразной калькой соответствующих положений этического кодекса антрополога, становятся своеобразным императивом, имеющим коннотации преодоления дискриминации и ситуации меньшинства, присущих прежним колониальным контекстам индигенности. Практики определения коренных народов как объекта исследования, наделенного печатью «чуждости» и «инаковости», подвергаются критическому анализу с точки зрения не только частичного совпадения субъекта и объекта, исследователя и изучаемого сообщества, но и их моральных оснований. Декларируемая приверженцами индигенных методологий привилегия на репрезентацию дискурса и опыта коренного населения приводит к (вос)производству социальных границ, но при этом лишает западные культурные институты монополии на антропологическое знание, способствуя формированию множественных перспектив осмысления культурной реальности.

С другой стороны, этническая идентичность автора артикулируется не только в терминах доступа к знанию и контроля над смыслами, но и в плане эпистемологии. Принадлежность к индигенному сообществу сами исследователи понимают как «эпистемологическую» или «методологическую привилегию»: знание языка, местных культурных паттернов, использование родственных сетей — это ресурс и инструмент вхождения в поле, основание частичного совмещения знаний и идентичности исследователя и информанта. В широком смысле «эпистемологическая привилегия» предполагает возможность проведения исследования не только в родном сообществе, но и в любом другом контексте, соотносимом с индигенностью. Тексты индигенных авторов отличает высокая степень саморефлексии — и своей исследовательской позиции, и своего культурного опыта. Например, разграничиваются позиции исследователя внутри определенного сообщества и внутри определенной ситуации, например родственной группы или семьи [12. С. 57–58]. Исследователь, идентифицирующий себя как индигенный, сталкивается с дилеммой возможности установления доверительных отношений и необходимости дистанцирования, что в итоге позволяет поставить

«собственную культуру в перспективу» [10. С. 41]. Глубокое погружение в культуру (в данном случае свою), чрезмерная включенность в ситуации наблюдения воспринимаются приверженцами индигенных методологий скорее как вызов и некоторое ограничение.

Оба подхода представляются проблематичными, так как этническая или индигенная идентичность исследователя выступает неперенным условием проведения исследования.

К переосмыслению дихотомии извне/изнутри

В ряде случаев индигенные методологии представлены в терминах дихотомических классификаций, разграничивающих исследовательские позиции извне/изнутри. Так, индигенный поворот в угроведении связан с вхождением «в гуманитарную науку представителей обских угров (хантов и манси), изучающих свою культуру “изнутри”» [6. С. 188]. Подобные аналитические разграничения имеют этноцентристскую природу и воспроизводят организацию академического дискурса в терминах полярности нас и их, субъекта и объекта. Дискурс методологии и эпистемологии в терминах индигенный/неиндигенный, традиционный/современный (академический) имплицитно поддерживает модели дихотомизации социокультурного и академического пространства. Вместе с тем фундаментальные изменения методологии антропологии принимают во внимание многие исследователи, в том числе идентифицируемые как индигенные. Тогда позиция индигенных исследователей как выражающих точку зрения на окружающий мир «изнутри» [15. С. 210] воспринимается как частичная. Представляется, что эвристический потенциал индигенных методологий заключается в формировании такой аналитической перспективы, которая позволяет концептуализировать «плотные» множественные связи между субъектом и объектом и их частичное совмещение.

Нараян предлагает трансформировать дихотомию outsider/insider или наблюдатель/наблюдаемый и представить антрополога, проводящего исследование в контексте родной культуры, в терминах смещающихся идентификаций (shifting identifications) на фоне взаимопроникающих сообществ и властных отношений [18. С. 671]. Вовлеченность в научные исследования трансформирует информанта, чья основная роль прежде ограничивалась предоставлением сведений о своей культуре, в субъекта, выражающего широкий спектр мнений [18. С. 681], рефлексизирующего свой культурный опыт, в том числе локальный, и при этом опирающегося на академическое образование. В эпистемологическом плане индигенные методологии формируют непрерывность между объектом описания (исследования) и текстом (исследованием) [14. С. 31]. Использование индигенных методологий позволяет авторам формировать своего рода не-

прерывность как в культурном, так и в эпистемологическом измерении. Развитием этих тенденций можно считать «интерактивный характер современной этнографии», опирающейся на «народные» знания и «концепции» представителей этнических сообществ, «благодаря чему стирается грань между изучающими и изучаемыми» [2. С. 6–9].

В академическом дискурсе индигенности идея культурной непрерывности ранее реализовывалась преимущественно в ретроспективе, т.е. в историческом плане, через соотношение культуры и социальности коренных народов с древнейшим из известных на определенной территории населением. Индигенные методологии сопряжены с контекстуально воспроизводимой культурной непрерывностью, подразумевающей переосмысление культурных форм в процессе их интеграции в поле индигенных исследований, интерпретаций и политик. В этой перспективе индигенные методологии становятся аналитическим инструментом формирования культурной непрерывности в логике выстраивания множественных частичных отношений между всеми вовлеченными в их реализацию акторами и фрагментами социокультурной реальности.

В последнее время эта проблематика обсуждается и в контексте индигенности, понимаемой в широком смысле и соотносимой с крайне разнообразными социальными и культурными сообществами, апеллирующими к своим корням [3. С. 393]. Дискуссии об индигенных методологиях придают новое звучание проблеме релевантности идей, концептов, подходов, сформированных в одном социокультурном контексте, для исследования другого, в том числе осмыслению последствий непреднамеренного дрейфа концептов или их «переноса». Во-первых, наблюдается своеобразная проекция традиционной тематики и методологии антропологии на «новую территорию» — в пространство проведения научных исследований от лица коренных народов. Во-вторых, индигенизация подразумевает поиск концепций и методов, укорененных в локальном социокультурном контексте, полный или частичный отказ от западных социологических моделей и терминологии с их претензией на универсальность знания (см., напр.: [4]). Эта логика не только подразумевает признание значимости культурно-специфических моделей научного знания, культурного релятивизма и методологического плюрализма, но и имеет выраженное политическое измерение. И, наконец, индигенизация социальной теории понимается как ее модификация применительно к историческим условиям [1. С. 254; 11. С. 19]. Дискурс индигенизации как «отуземливания» (например, термин «индигенизация» может быть переведен как «отуземливание» [11. С. 19]) имплицитно возвращает исходный принцип дихотомизации (мы–туземцы).

Таким образом, индигенные методологии позволяют определить природу ряда современных проблем, предлагая новые ракурсы и перспективы

их осмысления. В фокусе при этом оказываются не столько сами методологии, сколько их культурное, этическое и политическое измерения, индигенный контекст формирования дизайна исследования и использования его результатов.

Библиографический список

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М., 2017.
2. Головнев А.В. Новая этнография Севера // Этнография. 2021. № 1.
3. Куropятник М.С. Индигенность в контексте глобализации: эпистемологический и социокультурный аспекты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 3.
4. Лебединцева Л.А., Дерюгин П.П., Лю Т., Сюй Л. Индигенизации социологического знания в Китае // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2024. № 14.
5. Пивнева Е.А. «Путь к себе»: этнонаука как новая стратегия идентичности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3.
6. Пивнева Е.А. Индигенный поворот в угроведении // Уральский исторический вестник. 2024. № 1.
7. Резникова К.В. Индигенные методологии в зарубежном социальном и гуманитарном знании // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5. № 4.
8. Резникова К.В. Понимание индигенных методологий коренными малочисленными народами Севера Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6. № 1.
9. Шадрина С.Н., Борисова Л.П., Холлохова В.Г. К вопросу об изучении индигенного подхода в этнопедагогических исследованиях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 12.
10. Энафф М. Клод Леви-Стросс и структурная антропология. СПб., 2010.
11. Ядов В.А. Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии // Социологический журнал. 2003. № 3.
12. Afanasieva A. Boarding School Education of the Sami People in Soviet Union (1935–1989): Experiences of Three Generations. Arctic University of Norway, 2018.
13. Appadurai A. Putting hierarchy in its place // Cultural Anthropology. 1988. No. 3.
14. de Castro E.V., Goldman M., Lebner A. Slow motions. Comments on a few texts by Marilyn Strathern // Cambridge Journal of Anthropology. 2008–2009. Vol. 28. No. 3.
15. Junka-Aikio L. Can the Sámi speak now? Deconstructive research ethos and the debate on who is a Sámi in Finland // Cultural Studies. 2016. Vol. 30. No. 2.
16. Junka-Aikio L. Institutionalization, neo-politization and the politics defining Sámi research // Acta Borealia. 2019. Vol. 36. No. 1.
17. Kovach M. Indigenous Methodologies: Characteristics, Conversations and Contexts. University of Toronto Press, 2009.
18. Narayan K. How native is a “native” anthropologist? // American Anthropologist. 1993. Vol. 95. No. 3.
19. Porsanger J. An essay about indigenous methodology // Nordlit. 2004. Vol. 8. No. 1.
20. Smith L.T. Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples. Zed Books, 1999.
21. Strathern M. The limits of auto-anthropology // Anthropology at Home / Ed. by A. Jackson. Tavistock Publications, 1987.
22. Strathern M. Foreword // Shifting Contexts: Transformations in Anthropological Knowledge / Ed. by M. Strathern. Routledge, 1995.
23. Strathern M. The nice thing about culture is that everybody has it // Shifting Contexts: Transformations in Anthropological Knowledge / Ed. by M. Strathern. Routledge, 1995.
24. Weber-Pillwax C. Indigenous research methodology: Exploratory discussion of an elusive subject // Journal of Educational Thought. 1999. Vol. 33. No. 1.

Indigenous methodologies: An alternative approach or an elusive subject*

M.S. Kuropjatnik

Saint Petersburg State University,
Universitetskaya Nab., 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia

(e-mail: kuropjatnik@bk.ru)

Abstract. The article presents some approaches to the conceptualization of indigenous methodologies, focusing on the context of research and representation of its results; the position of the scientist, whose identity is articulated in terms of indigeneity and primordiality; the principle of dichotomization as distinguishing between the positions of indigenous (inside) and non-indigenous (outside) researchers. Indigenous methodologies are understood as a specific system of knowledge production and a means of decolonizing knowledge and methodology. When presented in social discourse as a culturally determined phenomenon, they are not limited to culture and sociality of indigenous peoples but have a significant ethical and political dimension, which includes the indigenous peoples' overcoming of the stigma of being an object of research. Indigenous methodologies are considered as focusing on the context of research design and representing its results rather than applying specific methods and procedures. They are understood as a version of Anthropology at Home conducted in one's native community (society) and associated with the concept of indigeneity. Within indigenous methodologies, the scientist's ethnic identity is considered as an "epistemological" or "methodological" privilege and is linked to indigenous peoples' access to knowledge. There are several interpretations of the position of the researcher who appeals to one's belonging to the world of indigenous peoples: (a) an expression of an authentic worldview from within; (b) a cultural translation implying the representation of cultural forms as authentic in an intercultural context. In the latter case, the focus is on multiple connections between subject and object, their partial overlap and patterns of transformation of the identity of the indigenous anthropologist involved in the study of one's native culture. In a broader sense, indigenization of social theory means the search for concepts and methods rooted in the local sociocultural context, which deprives western institutions of the monopoly on knowledge production.

Key words: social anthropology; indigenous peoples; indigeneity; indigenous methodologies; anthropological knowledge; sociocultural context; decolonization

For citation: Kuropjatnik M.S. Indigenous methodologies: An alternative approach or an elusive subject. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (3): 789–800. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-789-800> EDN: VJKDJF

References

1. Bachmann-Medick D. *Kulturnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kulture* [Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture]. Moscow; 2017. (In Russ.).
2. Golovnev A.V. *Novaya etnografiya Severa* [New ethnography of the North]. *Etnografiya*. 2021; 1. (In Russ.).

*© Kuropjatnik M.S., 2026

The article was submitted on 29.01.2026. The article was accepted on 13.07.2026.

3. Kuropjatnik M.S. Indigennost v kontekste globalizatsii: epistemologichesky i sotsiokulturny aspecty [Indigeneity in the context of globalization: Epistemological and sociocultural aspects]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (3). (In Russ.).
4. Lebedintseva L.A., Deryugin P.P., Lyu T., Syuy L. Indigenizatsiya sotsiologicheskogo znaniya v Kitae [Indigenization of sociological knowledge in China]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva*. 2024; 14. (In Russ.).
5. Pivneva E.A. “Put k sebe”: etnonauka kak novaya strategiya identichnosti [“Way to oneself”: Ethnoscience as a new identity strategy]. *Vestnik Arkheologii, Antropologii i Etnografii*. 2020; 3. (In Russ.).
6. Pivneva E.A. Indigeny povorot v ugrovedenii [Indigenous turn in Ugric Studies]. *Uralsky Istorichesky Vestnik*. 2024; 1. (In Russ.).
7. Reznikova K.V. Indigennye metodologii v zarubezhnom sotsialnom i gumanitarnom znanii [Indigenous methodologies in foreign social knowledge and humanities]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 2021; 5 (4). (In Russ.).
8. Reznikova K.V. Ponimanie indigennykh metodologiy korennymi malochislennymi narodami Severa Krasnoyarskogo kraya [Understanding indigenous methodologies by the indigenous peoples in the North of the Krasnoyarsk Region]. *Sibirsky Antropologicheskyy Zhurnal*. 2022; 6 (1). (In Russ.).
9. Shadrina S.N., Borisova L.P., Khollokhova V.G. K voprosu ob izychenii indigenogo podkhoda v etnopedagogicheskoy issledovaniyakh [On the study of the indigenous approach in ethnic-pedagogical studies]. *Sovremennaya Nauka: Aktualnye Problemy Teorii i Praktiki. Seriya: Gumanitarnye Nauki*. 2019; 12. (In Russ.).
10. Henaff M. *Claude Lévi-Strauss i strukturnaya antropologiya* [Claude Lévi-Strauss and the Making of Structural Anthropology]. Saint Petersburg; 2010. (In Russ.).
11. Yadov V.A. Vozmozhnosti sovmeshcheniya teoreticheskikh paradigmat v sotsiologii [Possibilities of combining theoretical paradigms in sociology]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2003; 3. (In Russ.).
12. Afanasieva A. *Boarding School Education of the Sami People in Soviet Union (1935–1989): Experiences of Three Generations*. Arctic University of Norway; 2018.
13. Appadurai A. Putting hierarchy in its place. *Cultural Anthropology*. 1988; 3.
14. de Castro E.V., Goldman M., Lebner A. Slow motions. Comments on a few texts by Marilyn Strathern. *Cambridge Journal of Anthropology*. 2008–2009; 28 (3).
15. Junka-Aikio L. Can the Sámi speak now? Deconstructive research ethos and the debate on who is a Sámi in Finland. *Cultural Studies*. 2016; 30 (2).
16. Junka-Aikio L. Institutionalization, neo-politization and the politics defining Sámi research. *Acta Borealia*. 2019; 36 (1).
17. Kovach M. *Indigenous Methodologies: Characteristics, Conversations and Contexts*. University of Toronto Press; 2009.
18. Narayan K. How native is a “native” anthropologist? *American Anthropologist*. 1993; 95 (3).
19. Porsanger J. An essay about indigenous methodology. *Nordlit*. 2004; 8 (1).
20. Smith L.T. *Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples*. Zed Books; 1999.
21. Strathern M. The limits of auto-anthropology. *Anthropology at Home*. Ed. by A. Jackson. Tavistock Publications; 1987.
22. Strathern M. Foreword. *Shifting Contexts: Transformations in Anthropological Knowledge*. Ed. by M. Strathern. Routledge; 1995.
23. Strathern M. The nice thing about culture is that everybody has it. *Shifting Contexts: Transformations in Anthropological Knowledge*. Ed. by M. Strathern. Routledge; 1995.
24. Weber-Pillwax C. Indigenous research methodology: Exploratory discussion of an elusive subject. *Journal of Educational Thought*. 1999; 33 (1).